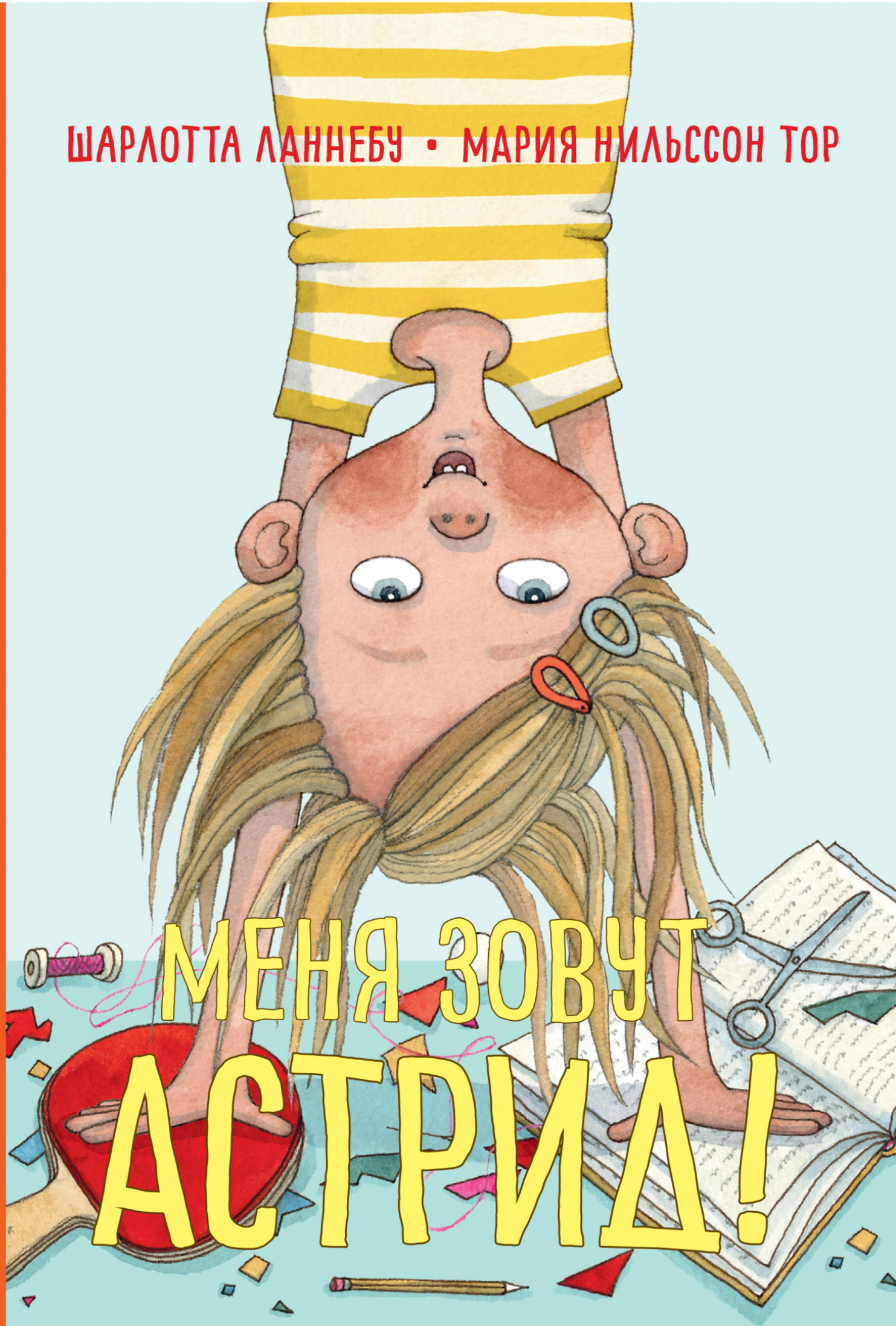

ШАРЛОТТА ЛАННЕБУ • МАРИЯ НИЛЬССОН ТОР

МЕНЯ ЗОВУТ
АСТРИД!

Вредная девчонка

Шарлота Ланнебу
Меня зовут Астрид!

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

Ланнебу Ш.

Меня зовут Астрид! / Ш. Ланнебу — «Азбука-Аттикус»,
2019 — (Вредная девчонка)

ISBN 978-5-389-22105-5

Книги известной шведской писательницы Шарлотты Ланнебу хорошо знают во многих странах. Её герои – обычные мальчишки и девчонки, про которых писательнице известно всё. И поэтому придуманные ею истории всегда очень правдоподобны и увлекательны. В этой книге вы познакомитесь с восьмилетней Астрид – типичной вредной девчонкой. Но вредная она только на первый взгляд, просто ей кажется ужасно несправедливым, что ей не разрешают делать то, что позволено более старшим детям. Но Астрид знает, как получить то, что она хочет. Вот и выходит, что она не такая уж и вредная... Она решительная!

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-389-22105-5

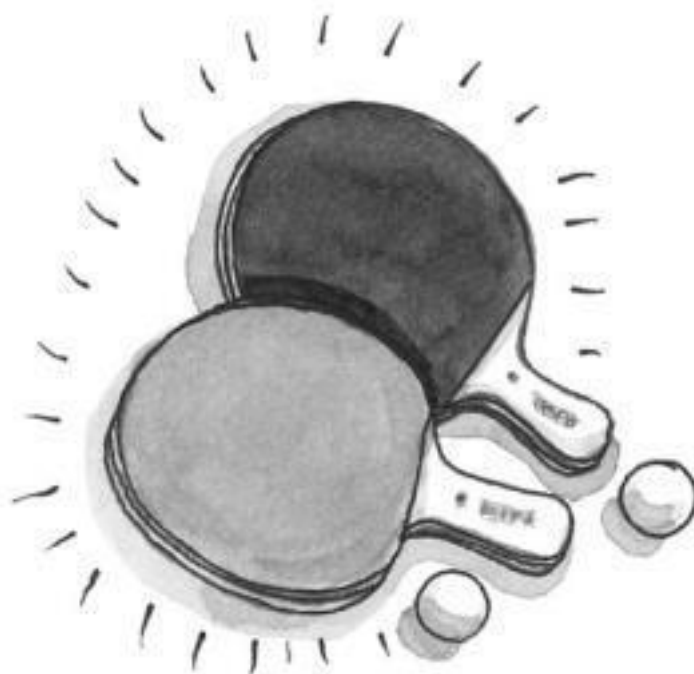
© Ланнебу Ш., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ланнебу Шарлотта Меня зовут Астрид!

Перевод со шведского *Ольги Мязотс*

Художник *Мария Нильссон Тор*

Astrid, alltid Astrid!

Text © Charlotta Lannebo

Illustrations © Maria Nilsson Thore

First published by Rabén & Sjögren, Sweden, in 2019

Published by agreement with Rabén & Sjögren Agency.

© Мяэотс О. Н., перевод на русский язык, 2022

© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022 Machaon®

Глава 1

Мне жаль всех, у кого нет такого замечательного имени – Астрид. Да, меня зовут Астрид. Я сама выбрала себе это имя, потому что, когда родилась, папа и мама не догадались меня так назвать.

Теперь у меня несколько отличных имён – Астрид Ева Мэри Ковач.

Звучит величественно. И мне подходит: величия мне не занимать, хоть ростом я ещё невелика. Почти самая маленькая в классе. Но ведь величие не в росте, главное, что у тебя внутри. Это я давно поняла.

Раньше меня звали просто – Ева Мэри Ковач. Но однажды вечером – дело было в рождественские каникулы, на крышах красиво лежал снег, в окнах уютно горели свечи – мама поднялась в нашу с Бланкой, моей сестрой, комнату с чашкой травяного чая и присела к нам на кровать.

– Хотите услышать про мою прабабушку, которая жила сто лет назад?

Если мама берётся что-то рассказывать, устраивайся поуютнее под одеялом и слушай. Потому что рассказывать она может долго-предолго.

– В ваших венах течёт вермландская кровь, – начала мама, – а не только венгерская. Бабушка моей мамы, Момма, жила в большом белом поместье у озера Фрюкен в Вермланде. Муж у неё был егерем. У них было пятеро детей. Много лет Момма вела хозяйство, следила за служанками и экономками, детьми, внуками и прочими родственниками, а также принимала детей-беженцев из Финляндии, где шла война. А егерь тем временем лишь пил пунш да крутил ус.

– Расскажи ещё! – попросила я.

– Момма была строгой, но благородной и справедливой. Волосы она собирала в высокую причёску. Чтобы её уложить, требовалась целая вечность, потому что волосы у неё были длинные – ниже пояса. Кстати, на поясе она носила связку ключей.

– Зачем? – спросила Бланка.

– Только она одна могла входить во все комнаты и закоулки, сараи и кладовки. Она была настоящий матриарх.

– А кто это – матриарх? – спросила я.

– Женщина, наделённая большой властью, она всегда сама всё решает.

Я попробовала слово на вкус. Оно мне понравилось. Я тоже люблю сама всё решать, по крайней мере в том, что касается меня.

Мама продолжала рассказывать о жизни в поместье. Момма воспитывала детей и следила, чтобы они делали уроки и ходили в школу, а тем временем егерь, в костюме с жилеткой и с часами в нагрудном кармане, обходил леса и поля. С ним была его верная собака Шайба. Впрочем, егерь часто делал перерывы и отдыхал в беседке, окружённой сиренью, пил кофе и

пунш. Перед сном он надевал полосатую пижаму и специальную маску, чтобы усы не обвисли, и так спал всю ночь.

– А Момма, прежде чем отправиться отдыхать, проверяла расходные книги и планировала дела на следующий день. Потом запирала кладовку, чтобы никто не украл колбасу. И каждому в доме было ясно, кто всем заправляет.

– Совсем как ты, – сказала я.

Мама улыбнулась.

– А у тебя есть её фотография? – спросила Бланка.

– Да, – ответила мама. – Сейчас принесу.

Когда она вернулась, мы с Бланкой принялись рассматривать фотографию: статная женщина в красивом платье с кружевами и удивительной причёской строго смотрела на нас.

– Она что, всегда ходила в таком белом платье? – спросила я.

– Нет, обычно она надевала поверх передник.

– А какие у неё волосы! – восхищалась Бланка.

– На ночь Момма их распускала, и её дочка, моя бабушка, расчёсывала ей волосы гребнем не меньше ста раз.

– Наверное, на это уйма времени уходила! – сказала я.

– Момма любила порядок во всём, – ответила мама.

Она склонилась над нашими кроватями и подоткнула нам одеяла.

– На самом деле Момму звали Астрид, – сказала она.

– Но ведь и тебя тоже зовут Астрид! – удивилась я.

– Да, – кивнула мама. – И мою сестру, а твою тётю, зовут Астрид¹, и мою маму. Почти всех женщин в нашем роду звали Астрид.

– Только не меня, – сказала я, и мне сразу стало завидно.

– И не меня, – сказала Бланка.

Пусть Бланку не называли Астрид, но у неё и без того три имени, так что она может быть довольна. Но у меня-то имён всего два: Ева и Мэри, и ещё фамилия – Ковач. Раньше я была этим вполне довольна, но после маминого рассказа поняла, что имя Астрид очень бы мне подошло.

Я так и видела её перед собой – эту Астрид-матриарха. Представляла, как она ходит в белом платье по своему поместью, всеми командует и всем управляет. Следит, чтобы обед подали вовремя, чтобы всегда были деньги на хозяйство и чтобы муженёк не спал в шезлонге на солнышке с непременно бокалом пунша.

Я села в постели, усталость как рукой сняло.

– Хочу, чтобы меня тоже звали Астрид! – потребовала я. – Ну почему вы до этого не додумались, когда я родилась?

– Но у тебя и так прекрасные имена, – удивилась мама. – Ева – это очень красиво!

– А у Бланки вон три имени! – сказала я. – И я хочу три! Хочу, чтобы меня звали Астрид Ева Мэри Ковач.

Бланка застонала – она так делает, если ей кажется, что я слишком упряплюсь. А она так почти всегда считает.

– Сколько можно! – проворчала она сонно.

– Хочу, чтобы меня звали Астрид! – повторила я ещё более решительно. – Отныне зовите меня Астрид!

– Ева, ну что на тебя нашло! Спи-ка лучше, – сказала мама, обняла меня и поцеловала на ночь.

¹ Видимо, имеется в виду то, что детям можно давать несколько имён. (Здесь и далее прим. пер.)

Но у меня сна не было ни в одном глазу. Я вспоминала всех Астрид у нас в роду. Взять, например, тётю Астрид, я её очень люблю. Она ездит в старом, допотопном автомобиле, носит весёленькие цветастые платья и завивает волосы специальными щипцами.

Или бабушку Астрид, которую я, к сожалению, никогда не видела, потому что она умерла очень молодой. На фотографии, что на мамином столе, она очень красивая.

Ясное дело, меня тоже должны звать Астрид!

Три недели я уговаривала маму и папу. Тётя Астрид сказала, что я должна убедить родителей, и я старалась изо всех сил, хотя Бланка говорит, что я просто ныла. Всякий раз, когда папа и мама были вечером в хорошем настроении, я заводила разговор о новом имени. А ещё когда помогала накрывать на стол.

И наконец они решились. Оставалось только заполнить бланк Налогового управления².

– Придётся подписать, – сдался папа.

– Хорошо ещё, что она выбрала Астрид, – вздохнула мама. – Могла ведь и чего похуже придумать!

– Вот именно! – сказала я. – Какую-нибудь Карамбу!

И вот теперь я Астрид. На веки вечные! Мне восемь лет, я живу с мамой и папой, Данте, Юлле и Бланкой на улице Ладугорд, 8, в жёлтом таунхаусе.

Давайте я расскажу вам о своей жизни.

² В Швеции, чтобы изменить имя, надо подать заявление в Налоговое управление на специальном бланке.

Глава 2

В воскресенье мы с Бланкой сидели за письменным столом в своей комнате и вырезали животных из альбома, который подарила нам бабушка. Потом наклеивали их на отдельные листочки, чтобы получались красивые картины.

Бланка на два года меня старше. К сожалению, мы до сих пор живём в одной комнате, но ждём не дожёмся, когда наш старший брат Данте станет студентом и переедет от нас. Тогда другой мой брат, Юлле, займёт его комнату, а Бланка – комнату Юлле.

Похоже на игру в домино, где, как вы понимаете, я – самая последняя.

– Следи за порядком на своей территории! Какая же ты неловкая! – проворчала Бланка.

Я вырезала льва и так старалась, что нечаянно опрокинула банку с карандашами, и они рассыпались по всем бумагам. Признаю: это было немного неаккуратно с моей стороны. Но у меня просто не *получается* соблюдать порядок! Бланка этого не понимает, она ведь чистюля. На её половине все заготовки картинок сложены аккуратной стопочкой.

– Очень трудно вырезать гриву, – объяснила я.

Бланка рассмеялась. Когда она в хорошем настроении, с ней вполне можно ладить. Она отличная выдумщица, мы играем в компьютерные игры, складываем мозаику или ставим театр. Но когда она не в духе, то вечно ругается. Меня это просто бесит.

Бланка ловко управляется с ножницами. Скоро её картинка была готова, и она пошла на кухню – показать её маме. Я осталась одна и продолжила вырезать, слушая Веронику Маджио³.

Я была рада побыть в комнате одна: обычно-то у нас в семье не посидишь спокойно. Когда в доме два брата и сестра, тебя ни на минуту не оставляют в покое – прямо мука мученическая!

Вот и на этот раз, только я сделала музыку погромче, потому что она мне нравилась, в дверях появился папа.

– Ева, что ты тут устроила?! – сказал он. И голос у него был совсем не «доброго папочки», каким он обычно бывает.

– Вообще-то меня зовут Астрид, – напомнила я.

– Ах да, я забыл. Но посмотри: у тебя на полу сугробы из бумажек! Не забудь убрать до обеда.

Ну, несколько бумажек и впрямь упали на ковёр, но уж точно не сугробы. В сугробах-то так весело прыгать!

– Это не только я вырезала, и Бланка тоже, – запротестовала я.

Стоит только сказать «Бланка» – и она уже тут как тут, даже если была далеко. Словно у неё не уши, а радары.

– Я за собой всё убрала, – крикнула она елейным голоском ещё с первого этажа.

– Старушка, придётся и тебе за собой убрать, – сказал мне папа. – А потом спускайся в кухню, у нас сегодня рыбные палочки.

Я вздохнула, но принялась за уборку. Вечно мне выпадает уборки больше, чем Бланке, ведь я не такая чистюля. Между прочим, я нашла бумажки, оставшиеся от картинки с леопардом, а они уж точно Бланкины. А мне теперь за ней убирай! Несправедливо. Вообще-то ко мне часто бывают несправедливы просто потому, что я младшая. У Бланки, например, есть собственный мобильник. Данте может делать всё, что и взрослые, ведь ему уже стукнуло восемнадцать. А Юлле позволено целыми днями стучать на барабанах.

Только я вспомнила про Юлле, как он влетел в комнату, размахивая руками.

– Выруби эту гадость, от неё уши вянут! – заорал он и подскочил к динамику, чтобы выключить его.

– Это моя комната и моя музыка, что хочу, то и слушаю! – закричала я.

– Всё равно мы сейчас идём ужинать, – буркнул он и вышел, даже не подумав снова включить проигрыватель.

Ну я и разозлилась! Типичный Юлле! Самый большой зануда в нашей семье, так все считают. Юлле на семь лет меня старше, но по нему никогда не скажешь, в каком он настроении – то вроде добрый, а то как налетит коршуном, если я слушаю музыку, которая ему не по нраву, вот как сейчас. Сам-то он считает, что слушать можно только рэп Кендрика Ламара.

Юлле и на Бланку набрасывается, особенно если мы с ней заходим к нему в комнату, когда у него в гостях какая-нибудь девчонка. Пока он играет на компьютере, его ещё можно терпеть. А в остальное время лучше держаться от него подальше. Мама говорит, что у него сейчас мозги перепрограммируются, потому что он в пубертатном возрасте. Он даже разговаривать нормально не может, только стонет или ворчит.

– А я теперь включу Лале⁴, – крикнула я Юлле вдогонку, но он не услышал.

³ Модная шведская певица итальянского происхождения.

⁴ Лале Пуркаим (*Laleh*) – шведская певица и композитор иранского происхождения.

Вот так всегда. Никто меня не слушает. Если вас в семье шестеро, то и словечка не вставишь. Мама хоть и пробует устраивать семейные советы, где каждый может высказать своё мнение, но кончается всегда тем, что она сама всё решает. Такой уж у нас матриархат.

Когда я наконец закончила уборку и спустилась в кухню, все, кроме Данте, уже сидели за столом и болтали наперебой. Даже Юлле, хоть он и набил рот рыбными палочками.

– Проходи и садись, старушка! – пригласила мама.

Ненавижу есть последней.

– А где Данте? – спросила я.

Данте мне нравится, он ко мне хорошо относится и смеётся, когда я что-нибудь рассказываю. А вот Юлле – никогда.

– Данте ушёл к Софии, – ответила мама.

– Он что, туда переехал? Вечно там торчит, – съязвила Бланка.

– Я бы тоже переехала, – сказала я, но все пропустили это мимо ушей.

... Данте вернулся домой через час, и мы стали обсуждать распорядок на следующую неделю. Мы делаем это каждое воскресенье.

У Юлле почти всё время репетиции, он играет на барабанах. Отлично!

– В среду я иду к Алексу, там и поужинаю, – объявила Бланка.

– А я буду у Софии. Мне надо закончить мой фотопроjekt, – сказал Данте.

Всё шло своим чередом. Каждый рассказывал, чем собирается заняться, про всякие свои интересные дела.

Только у меня ничего интересного не намечалось. Сперва будет гимнастическая тренировка, это я в принципе люблю, но потом придётся дудеть на флейте и, как обычно, умирать от скуки на продлёнке.

– Я хочу... – начала я.

– Ева, не придумывай, у тебя тренировка во вторник и флейта в среду, – перебила меня мама.

– Меня зовут Астрид!

Но всем до лампочки.

– В пятницу я иду на вечеринку, – объявил Юлле.

– Это мы ещё обсудим, – сказал папа. – Чтобы не вышло, как в прошлый раз. А ты, Данте, всё-таки приходи домой ужинать. Хотя бы иногда.

– Мне нужна отдельная комната, – проворчала я.

Но на мои слова опять никто не обратил внимания.

– Бланка, а у тебя будет танцкласс? – спросила мама.

– Да, в четверг.

– Я тоже хочу заниматься чем-нибудь весёлым после школы! – надулась я. – Мне нужна свобода!

Все повернулись ко мне и сказали хором:

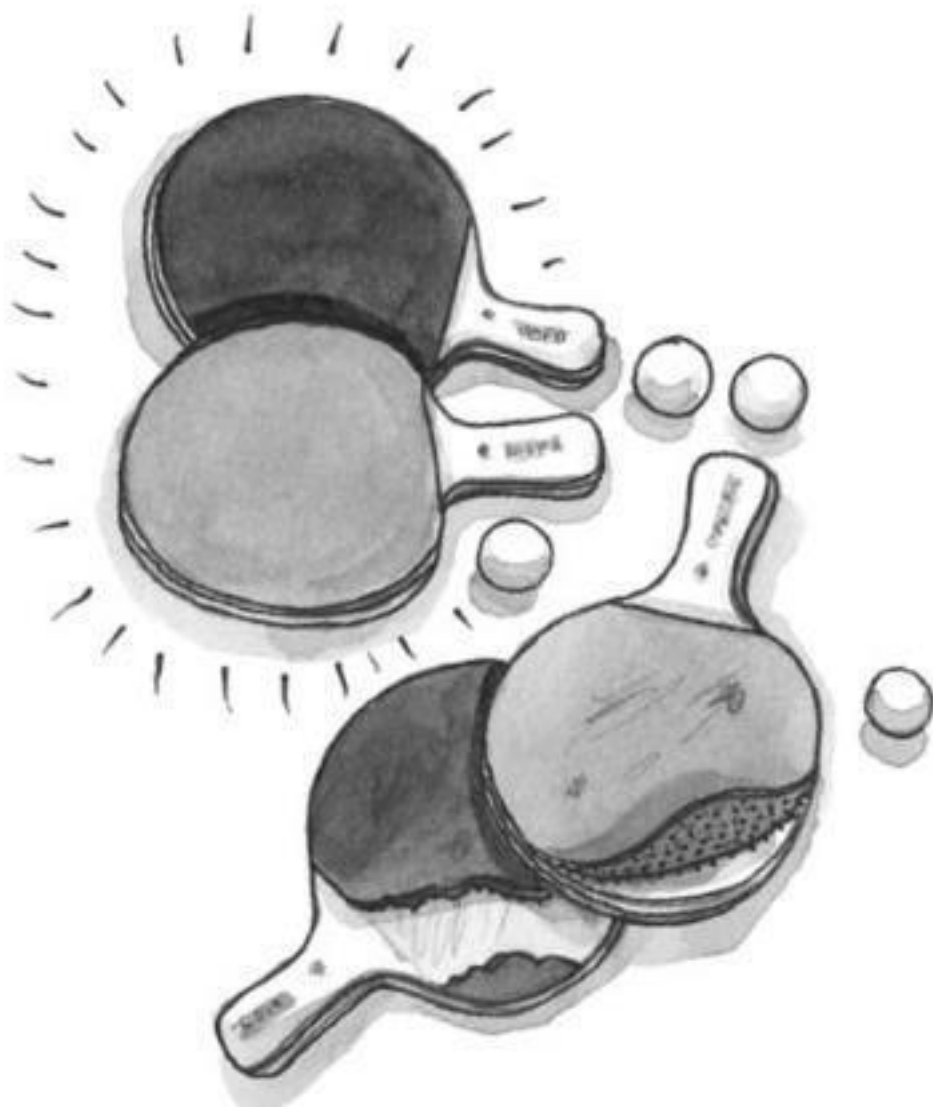
– Но, Ева, ты же будешь на продлёнке, как обычно.

Тут я разозлилась:

– Меня зовут Астрид! И мне надоела ваша продлёнка!

Глава 3

Несколько дней спустя мы с моей лучшей подружкой Марьям сидели на продлёнке и складывали мозаику. Марьям – волка, а я – картинку, похожую на дом из «Майнкрафта», у меня хорошо получаются сложные орнаменты. Было непривычно тихо, потому что большинство детей ушли гулять и играли на улице в снегу. Мы с Марьям устроились подальше от комнаты, где Яннис и Рафаэль сражались в настольный теннис – уж больно они кричали.

Вообще-то я люблю круговой пинг-понг, но, к сожалению, на продлёнке почти все ракетки рваные. Единственную целую пару быстренько подхватили Яннис и Рафаэль, мы даже глазом не успели моргнуть.

Но главная проблема в том, что я не люблю быть в группе, а на продлёнке всё битком набито детьми. И от них нигде не скроешься. А ещё нас там кормят бутербродами с очень странным сыром, на вкус он как замазка.

Вдруг из большой комнаты раздались крики и музыка. Я откинулась на стуле назад – посмотреть, что там происходит.

– Ну вот теперь Элли и Вибекке вздумалось танцевать под хиты музыкального фестиваля Мелло, – вздохнула я. – Только у них не танцы, а сплошное кривлянье.

– Просто тебе не нравится этот фестиваль, – сказала Марьям. – А всё из-за того, что он нравится Юлле и Данте.

Я об этом и не думала. Хотя, может, и так. Ну, немножечко.

– Просто мне не нравится такая музыка. О нет, они ещё и на всю громкость врубили!

– *Hello! Hello!* – принялась подпевать Марьям.

Тут все прибежали с улицы назад и подняли страшный шум. Вот так всегда. Лучше бы я дома сидела: забралась бы на кровать с толстой книгой и растворилась в ней. Читала бы в тишине. Так ведь нет же! Продлёнка – настоящая тюрьма, хоть двери и не заперты, вечный шум и гам. И вот, когда мне показалось, что я больше ни секунды не выдержу в этом бедламе, мимо прошёл Янне:

– Астрид, ты вроде шить хотела? Одна машинка свободна.

Я страшно обрадовалась – обожаю шить! Но на продлёнке швейные машинки вечно заняты, так что нужно записываться заранее. Да и то часто приходится шить с кем-то по очереди, а мне это не по нраву – не люблю ни с кем делиться.

Я решила сшить сумку. Достала бирюзовую ткань и заправила красную нитку – отличное сочетание! Я начала шить, стараясь вести строчку ровно-ровно. У меня получалось просто классно – шик-блеск!

Но тут появился Адам – выскочил, словно чёрт из табакерки, встал позади и запыхтел мне в спину.

– Янне сказал, чтобы мы шили по очереди, – заявил он.

– Ты же видишь, я сейчас шью.

Я ужасно разозлилась: у меня работа в самом разгаре, а он отвлекает. К тому же Адам страшный копуша, худшего напарника и представить трудно. Если он засядет за машинку, я никогда не дошью свою сумку. Будет едва шевелить педалью, всё переделывать, строчить назад или зигзагом – он вечно так!

– Вы же можете чередоваться, – предложил Янне. – Ты согласна, Астрид?

– Ладно, – буркнула я и отодвинулась.

Вот так всегда, думала я, пока смётывала две стороны сумки. У бабушки я могу шить часами, а на продлёнке стоит мне только сесть за швейную машинку, как тут же кто-нибудь приходит и мешает. Вдруг я заметила, что Адам вынимает мою нитку.

– Что это ты делаешь? – возмутилась я.

– Мне не нужна красная нитка, – ответил он.

– Но я-то шью красной!

– А я нет. Мне нужна чёрная.

Снова вмешался Янне:

– Может, вам лучше шить одной и той же ниткой?

– Но мне нужна красная!

– А чёрная не подойдёт? Она менее заметная, – попробовал уговорить меня Янне.

Я посмотрела на него в упор. Он что, ничего не понимает? Не видел мою сумку? Да на этой строчке всё держится!

– Я не хочу быть незаметной, – сказала я, едва сдерживаясь, чтобы не закричать. – Я хочу быть неповторимой!

Янне раскрыл рот, но я не унималась:

– Пусть Адам тоже шьёт красными нитками либо пересаживается за другую машинку!

– Но другой нет, – сказал Янне. – Тогда поменяй нитку, когда придёт твоя очередь.

Адам стал вдевать чёрную нитку, но никак не мог попасть в иголку. А я злилась всё больше и больше и вышагивала у него за спиной, пока он там копался.

У меня чуть не случился нервный срыв. Но Адам вдруг бросил всё, встал и пошёл к теннисному столу. Значит, не так-то ему и нужна была швейная машинка! От этого я негодовала ещё больше. Зато теперь можно было спокойно шить дальше.

Я снова заправила красную нитку и нажала на педаль. Вскоре сумка была готова – получилось классно. Но я всё ещё злилась и со стуком поставила машинку на место.

Янне захотел поговорить со мной. Это тоже типично для продлёнки – вечно нужно с кем-то о чём-то говорить, нельзя просто побыть в одиночестве и спокойно чем-нибудь заниматься.

– В чём дело, Астрид? – спросил Янне, наклонив голову, как делают взрослые, когда хотят залезть вам в душу.

– Почему только я постоянно должна менять нитку?

– Мне казалось, что проще шить одной ниткой, но теперь я вижу, что был неправ. Адам мог строчить и красной. Мне надо было сперва спросить тебя.

Злость никак не проходила. Словно на мне была какая-то злая одежда, которую просто так не снимешь. Крики и смех отдавались в моей голове, и от этого становилось только хуже.

– Оставьте меня наконец в покое! – рассердилась я. – Я хочу просто сесть и почитать, но разве считаешь в таком грохоте!

– Иди в комнату для персонала, там тихо, – посоветовал Янне.

Там и правда было тихо. И уютно. За окном шёл снег. В углу стоял цветастый диван. На столе – банка с имбирным печеньем, наверное, ещё с рождественских каникул. Я взяла одно и с хрустом откусила. Издалека доносились голоса играющих в пинг-понг и звуки музыки с фестиваля. Я раскрыла сказку «Мио, мой Мио».

Вдруг в дверях появился папа.

– Ты тут? – удивился он.

Я не ответила, просто взяла книгу и пошла к своей вешалке, дочитывая по дороге главу.

Потом закрыла книгу и оделась. Наконец я была свободна.

На обратном пути мы с папой шлёпали по слякоти и держались за руки. Папе на усы прилипли снежинки.

У некоторых детей в школе есть папы с бородой, но с усами – только у меня. Мой папа работает в банке, но и там нет никого с усами – так он говорит. И никто не носит галстук-бабочку и подтяжки, а мой папа – всегда, особенно когда дела на фондовой бирже идут хорошо.

– Не могу я больше в этом концлагере, папа, – пожаловалась я, когда готова была снова разговаривать.

– Что же там такого ужасного?

– Сегодня вот у нас с Адамом был кризис из-за швейной машинки. Ничего не могу решать сама!

– Ого, настоящий кризис?

– Ну почти.

– Но так уж устроена продлёнка, все всё делают сообща. И так будет и в дальнейшем: люди собираются вместе и работают сообща и всем делятся.

– А я не хочу делиться. И с Бланкой делить комнату не хочу!

– Ты уже это говорила.

– И на продлёнке не хочу оставаться. Там меня ни на минуту в покое не оставляют! Не могу больше!

Папа вздохнул.

– Ты же сам любишь, когда есть возможность, побыть одному, – сказала я. – Тебе тоже нужно время, чтобы в тишине обо всём подумать.

– Верно, – согласился папа. – Но попробуй всё-таки сохранять спокойствие духа и на продлёнке.

– Как? – вспыхнула я.

У папы не было ответа, он лишь крепче сжал мою руку.

Глава 4

Новой сумкой я осталась довольна. В неё прекрасно умещались книги, а маме понравилась красная строчка. И Бланке тоже. Жаль только, что вскоре я снова страшно разозлилась. На этот раз – на Бланку.

Я была одна в нашей комнате. Мне стало холодно, и я включила отопитель. Приятно было сидеть в потоке тёплого воздуха и думать обо всём на свете. У меня получился настоящий час размышлений. Вот это я люблю!

Для размышлений необходим абсолютный покой. И мне повезло: во всём доме было на удивление тихо, не слышно ни барабанов из комнаты Юлле, ни нытья Бланки, и даже Данте занимался у себя в комнате.

Я растянулась на полу, задрала ноги, положила ступни на письменный стол и принялась размышлять о том о сём. На самом деле мне лучше всего думается, когда я плыву в лодке и ветер дует в лицо, но и лёжа делать это тоже приятно.

Я представляла, что, когда вырасту, стану исследователем мозга. Тётя Астрид – врач, она подарила мне книгу про мозг, очень интересную. Там, например, написано, что мозг отвечает за нашу память. У меня отличная память! Наша учительница Гина столько всего нам рассказывает и объясняет, но я запоминаю всё с первого раза. Это у меня от папы.

Я следила взглядом за падающими снежинками и думала: как ужасно, что столько детей вынуждены бежать к нам в страну, потому что у них на родине война. Потом вдруг внутренним зрением увидела вкусные бабушкины плюшки, вспомнила её саму и представила, каково было жить в прежние времена, когда о мобильных телефонах ещё никто слыхом не слыхивал.

А затем я подумала, как несправедливо, что Бланка получает больше карманных денег только потому, что она на два года меня старше. Я об этом часто думаю, если честно. Но папа считает, что нашёл самый справедливый способ деления наших денег: он разработал специальную математическую формулу, чтобы высчитать – сколько дать Бланке, а сколько мне. Ненавижу эти расчёты!

Пока я обдумывала, что бы такое предложить папе вместо его формулы, дверь в комнату со стуком распахнулась, и на пороге показалась Бланка.

– Ко-ко! – прокудахтала она и тут же исчезла.

Вот уж кто мастер мешать мне во время моих раздумий! Но я решила не обращать на неё внимания.

– Ко-ко! – послышалось снова, и снова в дверной проём просунулась её голова.

Я опять сделала вид, что не замечаю её. Но тогда Бланка принялась непрерывно открывать и закрывать дверь.

– Ко-ко!

– Ко-ко!

– Ко-ко!

– Да прекрати же ты! Не видишь разве, что я занята?! У меня час размышлений! – закричала я.

– «У меня час размышлений», – передразнила Бланка дурацким голосом.

Я почувствовала, что у меня чешутся руки, а ноги вот-вот сорвутся с места. Во мне словно всё закипело.

– Ко-ко!

Ну, это уж слишком! Я вскочила на ноги и, вцепившись в Бланку, изо всех сил пихнула её в плечо и вытолкнула из комнаты.

Она споткнулась о порог и со стуком растянулась на полу.

– Ты что, с ума сошла? – прохрипела Бланка, ловя ртом воздух.

– Сама с ума сошла! Зачем дразнилась? – прошипела я.

Бланка расплакалась и поковыляла прочь. Меня всю трясло от злости. Я попыталась успокоиться, но у меня ничего не вышло. Сердце колотилось как бешеное.

Тут в комнату влетел Данте. Злой как чёрт.

– Что ты тут устроила? – напустился он на меня.

– А что? Она первая начала! Мешала мне думать!

– Ты её так ударила, что её стошнило, – сказал Данте, рассвирепев.

У меня голова закружилась. Так всегда бывает, когда я слышу, что кого-то тошнит, ведь я этого боюсь больше всего на свете. Всё сразу начинает ходить ходуном, стоит мне заметить растёкшееся по земле мороженое, потому что оно немного похоже на рвоту. Но уж и не так сильно я её стукнула!

– Она упала! Сама виновата! Не надо было меня дразнить! – всхлипнула я.

– Держи себя в руках! – строго сказал Данте и захлопнул дверь.

Я сидела за письменным столом и смахивала слёзы, чтобы они не закапали моё последнее стихотворение, над которым я столько трудилась. Вообще-то Данте никогда на меня не сердится, и от этого мне было ещё обиднее.

И всё-таки это не я виновата: Бланка сама напросилась. А меня вечно обвиняют, потому что я не могу сдержаться, чтобы не дать сдачи. Стукнешь кого – сразу заметят. А вот дразниться можно и незаметно.

Я сидела в комнате и не решалась спуститься к ужину. Мне было стыдно и в то же время обидно, что Данте несправедливо на меня набросился. Я не виновата, что Бланка такая неженка и что её от каждого пустяка тошнит. Почему она просто не дала мне сдачи, как любой нормальный человек? Я легла на кровать, обняла своего любимого плюшевого мишку и притворилась, будто забыла про ужин.

Тогда за мной пришла мама.

– Ох, как же тут жарко! Прямо как в бане. Открой-ка форточку, Ева.

– Астрид, – поправила я.

– Открой форточку, Астрид, и спускайся ужинать. Бланке стало лучше.

– Она вредная, – сказала я.

– Давай сперва поедим, а после поговорим, – устало произнесла мама. – Пойдём.

Это был очень странный ужин. Бланка всё время косо поглядывала на меня. Данте обсуждал с папой разные уравнения и под этот разговор уплёл с космической скоростью четыре порции, так что еда мгновенно закончилась, а Юлле ещё и домой не вернулся. Он позвонил посреди ужина.

– Нет, – сказала мама своим самым строгим голосом. – Возвращайся домой, тебе надо делать уроки. Иначе мне придётся поговорить завтра с твоим учителем. Я всё равно собиралась это сделать, и ты знаешь почему.

А дело всё в том, что Юлле не больно-то любит школу и поэтому иногда пропускает занятия. Я даже обрадовалась немножко, что мама теперь сердилась на Юлле, а не на меня.

Когда мама пришла укладывать нас с Бланкой, она села на стул между нашими кроватями и раскрыла новую книгу – «Сказания о греческих героях». Мы получили её в подарок на Рождество, но ещё не успели прочитать.

– Вот что, девочки, – начала мама. – Мне не нравится, что вы ссоритесь. Вы сёстры и должны заботиться друг о друге.

– Астрид меня ударила, – пропищала Бланка.

– А Бланка дразнилась, – произнесла я как можно жалобнее.

– Бланка не должна дразниться. А ты – драться, – сказала мне мама.

– Вот если бы у меня была своя комната... – вздохнула я.

– И у меня, – подхватила Бланка.

– Сначала должен переехать Данте, – сказала мама и сняла свитер. – Господи, здесь все тридцать градусов! – Она распахнула окно и выпустила в комнату холодный зимний воздух. Потом подоткнула нам по очереди одеяла и положила моего медвежонка ко мне на подушку.

– Mamochka, налей мне бутылку с тёплой водой, пожалуйста, – попросила я.

– И мне, – сказала Бланка.

Мама исполнила нашу просьбу, а потом прочитала нам про Тесея, убившего в Лабиринте Минотавра.

Мы уже почти заснули, когда Бланка пробормотала:

– Прости, что я тебя дразнила.

– Прости, что я тебя ударила, – прошептала я в ответ.

– В следующий раз можешь немножко поиграть в мой «Майнкрафт», если хочешь, – сказала Бланка.

– Спасибо.

Бланка здорово играет в «Майнкрафт», она там много всего понастроила в последнее время.

А потом у меня был долгий час размышлений. Но, прежде чем заснуть, я вспомнила, какая гадкая картошка у нас в школьной столовой.

Глава 5

– Всё, хватит с нас этих странных приступов. Нет у тебя никакой аллергии, – сказала мама однажды утром, когда я в сто пятый раз попросила её и папу написать мне записку, чтобы меня не заставляли есть в школе картошку.

А я только что узнала, что на обед будут котлеты. И наверняка с картошкой. Как всегда.

– Почему ты не можешь есть нормальную еду, как нормальные люди? – простонал Юлле, заливая в себя литр какао.

– Кто бы говорил! Сам-то хранишь как медведь! Вот это ненормально!

– Ну сколько можно! – вздохнула Бланка.

– Кстати, о картошке. Не купить ли нам фритюрницу? – сказал папа. Вечно он со своими безумными идеями, вместо того чтобы выслушать как следует.

Я отодвинулась подальше от Юлле. Чавкает – хоть уши затыкай. Будто водопад булькает.

– Школьная картошка? Она по-прежнему тёмно-зелёная? – усмехнулся Данте.

Я с благодарностью посмотрела на старшего брата. Иногда Данте – единственный, кто меня слышит и понимает. Ну почему никто больше не верит, что школьная картошка просто отвратительная!

На перемене мы стояли перед столовой, и я в панике читала меню. Там крупными буквами было написано: «КОТЛЕТЫ С КАРТОШКОЙ». Лучше бы приготовили рис! Он тоже полезный.

Я спряталась за Марьям и попыталась вычислить, в какую очередь мне лучше встать.

У нас в школе две поварихи – одна следит за всеми, словно ястреб, и требует, чтобы доедали всё дочиста, и, если что-то себе не положишь, она сама добавит, сколько ей ни говори. Другая – рассеянная и не такая приставучая, я всегда стараюсь встать в очередь к ней, тогда есть шанс, что она вообще не положит картошки мне на тарелку.

И вот, когда почти подошла моя очередь, поварихи взяли и поменялись местами! Вот это облом! Шмяк! Тарелка звякнула, когда Ястребица шлёпнула на неё картофелину. Размером она была с пасхальное яйцо и, как обычно, тёмно-серая с зеленоватыми пятнами. Мне показалось, что я вот-вот хлопнусь в обморок от одного её вида.

– Держи! – сказала Ястребица. – Витамин С важен зимой. Следующий!

Марьям повернулась и сочувственно на меня посмотрела. Она знает, что я ненавижу картошку больше всего на свете. Конечно, только школьную. У бабушки картошка отличная – чищенная и мучнистая, мама считает, что даже немного переваренная, а мне нравится – такую удобно размять в пюре и смешать со сливочным соусом.

Конечно, мне и чипсы нравятся, и папина запечённая картошка, в которой можно сделать дырочку и положить туда масло. А картошку фри я вообще могу есть, пока не лопну.

Но теперь-то передо мной на тарелке лежала не картошка фри, а настоящее мучение. Я огляделась, высматривая удобное местечко. Через несколько столов от меня сидела наша учительница Гина с новой неоновой прядкой в чёлке и болтала без умолку. Нет, рядом с ней я не сяду. И возле Ястребицы тоже, она с меня глаз не сводит, наверняка станет следить, чтобы картошка оказалась у меня в животе.

– Пойдём, – сказала я Марьям и потянула подругу за собой к неприметному столу у самого выхода.

– Но он такой неудобный, – запротестовала она.

Я многозначительно посмотрела на неё, и она сразу всё поняла.

Мы почти не разговаривали. Я думала лишь о том, как бы незаметно избавиться от картофелины. Я медленно жевала котлету и одновременно чистила картошку ножом. В конце кон-

цов я её наполовину очистила. Марьям с интересом за мной наблюдала. Она съела свою картошку и даже не пикнула.

Сегодня мне достался ужасно гадкий экземпляр. Содрогнувшись, я отрезала мерзкий коричневатый кусочек, а остальное раздавила и размазала по тарелке и прикрыла сверху эту липкую жижу салфеткой. Потом посмотрела на Марьям:

– Ну что, ловко получилось?

– Совсем не видно, – согласилась Марьям.

Мы направились к помойному баку. Там стояла Ястребица, но она ничего не заметила. Я выбросила всё в ведро. И вздохнула с облегчением.

Вечером я в сто пятый раз попросила маму и папу написать мне записку с освобождением от школьной картошки. Но ничего не вышло. Мама была неумолима:

– Ты слишком привередничаешь! Другие-то дети все едят.

– Но я не как все!

– Конечно нет, – вздохнула мама. – Вот если бы у тебя была аллергия, тогда бы тебе нельзя было есть картошку.

– И вот тогда бы нам пришлось написать тебе записку, – пошутил папа.

Иногда с папой очень весело, но на этот раз повода веселиться не было.

После нескольких спокойных дней, когда в меню были кус-кус, рис и паста, снова настал черёд картошки. «КАРТОШКА» было написано огромными буквами на доске у входа в столовую. К сожалению, на этот раз меня поджидала неудача. Мало того что мне не удалось скрыться от глаз Ястребицы, так ещё и Гина ко мне приклеилась. Она плюхнулась за стол, где сидели мы с Марьям, Адам и Рафаэль.

Я как раз начала свой трюк с чистой картошки.

– Да как ты чистишь? Надо осторожнее, Астрид, – улыбнулась мне Гина.

Меня едва холодный пот не прошиб. Я уставилась на её прядку – такую же противно зелёную, как и мерзкий комочек на тарелке. Марьям тоже встревожилась. Я поняла, что под пристальным взглядом Гины мне не удастся размазать картошку по тарелке. Вечно она во всё нос суёт! Хотя и пытается скрыть это улыбочками и льстивыми фразочками.

– Вот бы недельку пожить без уроков, – начала Марьям. Ей тоже опостылело в школе. Но какой толк говорить об этом с Гиной!

– Что ж, давайте выберем какой-нибудь урок, который всем по душе, – предложила Гина и улыбнулась.

Пока все обсуждали, какой урок это мог бы быть, я решила под шумок попробовать мой особый приём, он очень рискованный, так что я прибегаю к нему лишь в крайнем случае.

Картошка лежала на тарелке отвратительным комом.

– Вот бы у каждого была возможность поиграть на планшете, а потом обменяться впечатлениями, – размышлял Адам.

– Ну, может быть, – сказала Гина и рассмеялась. Но вдруг оборвала смех и огляделась. Уголки рта у неё задрожали, так бывает, когда она чем-нибудь недовольна.

Учительница встала и замахала руками.

– Эй! Что-то здесь слишком шумно! Нельзя ли потише?! Когда я ем, я глух и нем, – сказала она строгим голосом, резко и жёстко.

И тут я поняла: это мой шанс. С быстротой хорька схватила я картофелину и с силой припечатала её к столешнице снизу, как следует размазав.

– Астрид! Ты что творишь?

Учительница, раскрыв рот, изумлённо смотрела на меня. В столовой стало совершенно тихо.

Я не знала, что сказать, и покраснела как помидор. Марьям тоже залилась краской. Рафаэль и Адам на нас таращились.

Гина заглянула под стол:

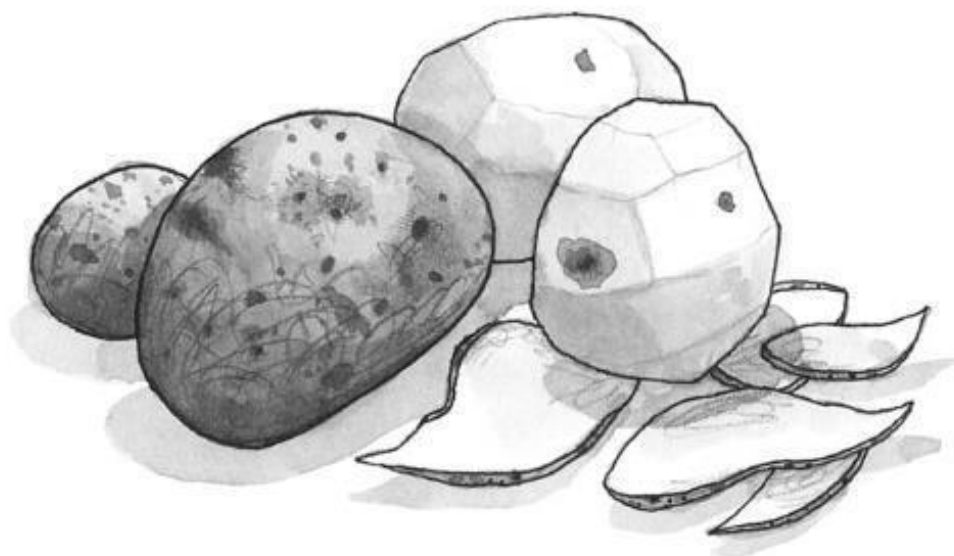
– Да тут раздавленная картошка. Это ты её туда прилепила?

Я кивнула.

Уголки рта у Гины ещё больше задрожали. Она посмотрела на меня с ещё большим удивлением:

– Зачем?

– Я не люблю школьную картошку, – ответила я.

По столовой пронёсся ропот. Краем глаза я заметила, что все дети стали отодвигать стулья и заглядывать под свои столы.

– Тут тоже приклеена здоровенная картофелина, – услышала я довольный голос Янниса.

– Ух! А здесь совсем заплесневелая! – закричала Элли.

– И здесь! – подхватила Вибекке.

Мне хотелось провалиться сквозь землю. Они находили всё новые и новые картофелины у себя под столами. Мне показалось, что Гина растерялась и не знала, что делать.

– Что ж, Астрид, мы ещё поговорим об этом. А пока возьми салфетку и всё вытри. И как долго ты этим занимаешься?

– С тех пор как учусь в школе, – призналась я откровенно.

– Что? С самого первого класса? Это же больше двух лет!

Неоново-зелёная чёлка Гины закачалась взад-вперёд, а рот задрёглся. Наверное, это худшее, что она пережила в своей жизни. Рафаэль и Адам, не сдержавшись, прыснули со смеху и выскочили из-за стола.

Я с виноватым видом взяла салфетку, которую протянула мне учительница, и принялась за уборку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.